Я тихо читал в маминой комнате, как часто бывало, когда у нее случались внезапные приступы чахотки, которую мы со временем стали называть синдромом Нитии. Пока всё было не так серьезно, отец все еще настаивал, что это всего лишь периодическая слабость организма, мучившая ее с детства. Тем не менее я был практически воспитан на историях с героями, которые потеряли родителей или родительские фигуры в результате ранней трагедии, поэтому какая-то часть меня была в ужасе, что если я оставлю маму, даже на секунду, судьба заберет ее как часть какого-то надуманного события.

Конечно, тогда я не мог знать, что потеря родителей из-за болезни не побуждает к чему-то значительному. Чаще бывает наоборот. Когда теряешь одного из тех немногих в мире, кто любил тебя безгранично, сам мир теряет свой блеск. Вы восстаете против богов, против самой судьбы, и вещи, доставлявшие вам удовольствие, теряют свой блеск, а приоритеты, которых вы когда-то придерживались, меняются до неузнаваемости.

Не зная ничего подобного, я держался за маму как приклеенный, боясь, что моя жизнь пойдет по тому же пути, как во многих историях, которые она рассказывала.

Пока она болела, мне было труднее погружаться в серьезную, взрослую фантастику, к которой так привык. Поэтому вместо этого я читал легкие произведения. Биографии известных личностей. Комедии. Истории о героях, которым не о чем было беспокоиться, кроме как о том, чтобы ходить в школу и учиться.

Ближе всего к чтению серьезных историй я подошел с рассказом, который читал сейчас. Истребитель упырей — забавный, тягучий роман о странствующем барде, попадающем во всевозможные неприятности. У барда были хаотичные и забавные отношения с богом-покровителем, который хорошо к нему относился и заботился о нем, пока он следовал правилам.

— Тебе не нравится? — спросила моя мама, отложив книгу на свой простой белый халат. — Ты читаешь медленнее, чем обычно.

— Не совсем, просто история меня не захватывает. — Я закрыл книгу, оставив палец между пергаментом, чтобы сохранить место, где остановился. — У Ильдрана всегда всё складывается как по волшебству. Либо его бог вмешивается, либо он приобретает новое заклинание, которое как раз то, что ему нужно, чтобы преодолеть свои трудности.

— Ты недоволен тем, что твоя легкомысленная приключенческая история оказалась легкомысленной? — поддразнила мама.

— Это слишком просто. — Я закатил глаза. — И дело не в тоне, скорее в сути. Я просто хотел чего-то большего…

Я почувствовала приближение отца по легкой вибрации пола, прежде чем увидел его. Он плавно вошел в комнату, держа что-то за спиной. Ромашка выглядела комично маленькой в его массивной руке, меньше травинки.

Он увидел меня, и цветок тут же исчез в глубине ладони, превратившись в кулак, а один раздавленный лепесток упал на пол.

— Добрый день, мой король. — Голос моей матери приобрел ровный, размеренный тон, как всегда, когда она разговаривала с Гилом.

— Жена, — хмыкнул Гил. Он все еще был сосредоточен на мне. — Почему ты не тренируешься во дворе с Серой?

Я слегка вздрогнул. В последний раз, когда я сражался с Серой, она оставила столько синяков, что я не мог спать ни в каком другом положении, кроме как лежа на спине. Инстинктивно я вытянул ноги перед собой в качестве своеобразного щита.

— Я составлял компанию матушке.

Король Гил изучал меня с безучастным лицом. — О? И ей было так одиноко, что она попросила принца пренебречь своими обязанностями и прислуживать ей вместо этого?

— Гил, пожалуйста, — начала мать, на ее лице появилось выражение нервного беспокойства, которое она часто носила, когда между нами разгорался конфликт.

— Нет. Я здесь, потому что хотел почитать, — сказал я. Мой подбородок слегка выпятился, шепча о неповиновении, которое, как я чувствовал, уже нарастало во мне.

— И какой же материал ты так старательно изучаешь? — Отец протянул руку к матери. Бледными пальцами она протянула ему книгу, рукав ее платья слегка пожелтел там, где его прижимали ко рту во время внезапных приступов кашля.

Я почувствовал смутное ощущение неправильности, почти посягательства, когда он листал книгу. Отец никогда раньше не интересовался нашим литературным увлечением.

— Иди во двор. — Его голос был стоическим. — Потренируйся с сестрой.

Бросив извиняющийся взгляд на мать, я выполнил его просьбу. Выйдя из комнаты, я приостановился, прислушиваясь, как их голоса набирают громкость и темп, а затем удалился во двор.

Король Гил вызвал меня через несколько дней. Я надеялся, что это было для чего-то совершенно не относящегося к тому моменту, но эта надежда развеялась, как только я вошел в его кабинет. Истребитель упырей лежал на его столе в развернутом виде корешком вверх. От такого расположения книги мне сразу стало не по себе. В детстве я клал книгу подобным образом, и библиотекарь зачитывала мне нотации на протяжении целого часа.

— Отец. — Я поклонился в знак приветствия.

— Садись. У меня мало времени. — К нему подошел писец, возившийся с массивной стопкой бумаг. Лицо моего отца было нехарактерно задумчивым, как будто он не знал, как поступить. Наконец, он протянул руку и взял книгу, захлопнул ее и направил на меня внешний край так же, как человек может взмахнуть ножом. — Это… мусор. Вы двое всегда читаете подобное?

Я обдумал вопрос. Скорее всего, он уже расспрашивал маму на эту тему. Мой отец не любил задавать вопросы, ответы на которые он не знал хотя бы частично. Я решил рассказать немного приукрашенную правду.

— Не совсем. Эта книга немного более причудлива, чем наши обычные книги.

— Действительно, причудливая. — Мой отец фыркнул.

— Я так понимаю, что вы не получили удовольствия от чтения? — Беспокойство, которое я испытывал, частично сменилось забавным образом отца, листающего книгу в поисках жестоких моментов.

Он проигнорировал тонкую насмешку. — Мне редко нравятся банальные полеты фантазии, сын. Меня заинтересовала только философия.

Я наклонил голову. Если у Убийцы и была философия, то для меня это стало новостью. В нём было так мало символизма и мотивов, он действовал лишь для исполнения желаемого. — Какая философия?

— Это причудливая интерпретация товарищества со своим врагом.

Если бы это был кто-то другой, кроме моего отца, я бы рассмеялся ему в лицо. Я поджал губы. — Это просто глупая история, отец.

— Но это не так. — Король Гил с ненавистью уставился на книгу. — Или, по крайней мере, не должно быть. Среди встреченных мною людей были те, кто придерживался подобных убеждений.

— Я верну эту книгу в библиотеку, — быстро сказал я. — Мы найдем что-нибудь новое.

— Почему ты это делаешь? — спросил он.

— Что делаю?

— Я занимаюсь заключением соглашений еще до твоего рождения. И знаю, как это звучит,

когда человек сворачивает разговор из вежливого отвращения. — Несмотря на то, что это было сказано так непринужденно, это было необычайно точно. Он стоял, держа в руках книгу и глядя на маленький огонек, горевший в камине в углу. Я подумал, что он может бросить ее туда, просто, чтобы позлить меня. Разумеется, это было бы не в его духе.

Вместо этого он протянул ее мне.

С удивлением я взял книгу. Это была совершенно неизведанная тема для нас. Обычно мои разговоры с отцом заканчивались либо быстро, либо громко.

— Мне вернуть книгу в библиотеку? — спросил я.

— Нет. Я хочу, чтобы ты прочитал ее еще раз.

Мои мысли тут же вернулись к историям об оборотнях и паразитирующих слизнях, овладевающих телами. — Смешно.

— Серьезно, Кэрн, — повторил отец. — Твоя мать получает удовольствие от чтения, поэтому я не буду вмешиваться. Но прочитай еще раз. На этот раз я хочу, чтобы ты отметил все случаи, когда этот болтливый идиот опускает руки. Когда он проявляет милосердие к врагу, которого должен был убить, особенно если у него нет тактических или логических причин для этого. И для каждого сценария напиши список возможных последствий, которые могли произойти с ним или с теми, кто его окружает, поскольку он был слишком слаб, чтобы закончить то, что было необходимо.

— Я напишу, отец, — сказал я. По правде говоря, эта просьба застала меня врасплох.

— Победа никогда не бывает легкой, Кэрн. Она требует жертв. Иногда цена невелика. Иногда она больше и ужаснее, чем ты можешь себе представить. Но цена есть всегда.

Совет был до странности мудрым. Почти разумным, если не обращать внимания на все ужасные поступки, которые он когда-либо совершил.

Я боялся, что такой уровень интереса станет обычным явлением, но этого не произошло. Он больше никогда не упоминал об этом. Но когда я перечитал Истребителя упырей, мне показалось, что с меня сняли повязку.

Мне стало не по себе, когда я понял, что отец не ошибался. Возможно, он тоже не был прав, но Илдран был идиотом. Он проявлял милосердие так регулярно и легко, что это было почти бессмысленно. Даже к злодеям, которых все считали отвратительными и достойными смерти, он опускал руки, стоило им только признать неправильность своих поступков.

Как только я смог, сразу выбросил это из головы и больше не думал об этом. Это ничего не

значило. Это была просто история.

Поместье Гемона было сравнительно небольшим, в разы меньше, чем массивные, спиралевидные поместья, в которых жили другие члены совета. Несмотря на разницу в размерах, оно охранялось гораздо строже.

Я нахмурился. Это не было похоже на обычное положение вещей, независимо от степени паранойи. Перед воротами стояли четыре стражника, а многочисленные дозорные с арбалетами патрулировали на близлежащих крышах. Как только они заметили меня, раздалась серия свистков, и, хотя они никак не отреагировали и не сменили строй, каждый глаз на узкой улочке внимательно следил за мной.

Что-то напугало Гемона. Сильно.

На всякий случай я держал руки вытянутыми по бокам, ладони на виду и подальше от карманов мантии. Я был рад, что решил оставить меч дома, хотя холодное лезвие кинжала неприятно давило на спину.

Я подошел к стражникам у входных ворот, полностью готовый к тому, что мне откажут, и придется спорить и задирать нос.

Стражники расступились почти мгновенно. Ворота открылись.

Это на мгновение выбило меня из колеи. Если Гемон принял все эти меры предосторожности, странно, что меня не задержали чисто из принципа. Но нет. Было похоже, что он меня ждал. Если бы это случилось в прошлый раз, я бы забеспокоился, не угодил ли я в ловушку. Но после асмодиалов моя точка зрения изменилась, почти исказилась. Надеюсь, это ловушка. Если мои подозрения ошибочны и во всем виноват Гемон, это только упростит ситуацию.

Ко мне подошел человек в красном. Человек. Он подошел ко мне с обаятельной ухмылкой, ничуть не озабоченный тем, чтобы напасть на принца, лишенный всей мрачной решимости окружающих воинов. Если уж на то пошло, это общее чувство безразличия делало его еще более опасным.

Прежде чем он успел меня облапать, я вытащил из-за спины кинжал в ножнах. Окружающие стражники напряглись. Краем глаза я увидел, как арбалетчик на крыше прицелился, уперев оружие в крышу.

Воины Гемона не шутили.

Человек в красном не отреагировал. Его рука не приближалась к мечу. Медленно и осторожно я бросил кинжал ему в руку. Он поймал его с размашистым взмахом — мгновенно определив вес клинка, он перевернул его эфесом вверх и провел большим пальцем по перекрестию гарды.

— Лоухил. Хорошо. — Он оглядел меня с ног до головы. — Как и подобает в столице. — Когда я не клюнул на приманку, он обошел меня, но не стал дотрагиваться до меня, как я ожидал. — Что-нибудь еще, о чем я должен знать?

— Нет, — честно ответил я.

— Как скажете. В голосе человека в красном прозвучало разочарование. Затем он взял меня за руку и повел в сторону дома. Вместо того чтобы сразу войти внутрь, он отвел меня к золотой платформе, установленной сбоку. Судя по тому, как она вдавилась в траву, она была сделана недавно.

Я ступил на платформу. Человек в красном открыл книгу, как будто вернулся к послеобеденному чтению. Под моими ногами платформа зажужжала, и через меня прошла волна чужеродной маны. Она с треском прошла по все еще незаживающей ране на моей груди.

Человек в красном свистнул один раз и подал сигнал за спиной. Затем, так же непринужденно, как и раньше, распахнул края моей мантии, обнажив только что нанесенную надпись.

Он прищелкнул языком. — Не могли бы вы взглянуть на это? Они совпадают. — Он потянул вниз ворот своей рубашки, открывая надпись. Она отличалась от моей, даже на первый взгляд. Единственное, что было общего у наших двух надписей, — это изображение головы как центрального элемента заклинания. Его надпись была длиннее и извилистее. И я был почти уверен, что выделил отдельные слова демонического, связанные с огнем и взрывами.

Это не было самоубийством. Это была гарантия того, что убивший его умрет жестокой смертью.

Он отпустил мою мантию и повел меня в дом.

То, что когда-то было скромным, величественным домом, теперь было переполнено вооруженными и бронированными гостями. Группа из них играла в камешки за кухонным столом. Один вышел из ванной. В широких залах было тесно и чувствовалась клаустрофобия, и я внезапно разозлился на Гемона. Даже если он не имел никакого отношения к нападению, размер группы, должно быть, означал, что многие из присутствующих здесь были отвлечены от охраны самого Анклава.

Несколько дверей Гемона были заколочены и забаррикадированы. Каждое окно было закрыто древесиной, оставляя небольшие щели, через которые можно было видеть, но не проникать внутрь. Впервые я почувствовал легкое беспокойство. Некоторые из этих укреплений выглядели необратимыми.

Меня провели в заднюю комнату.

Зрелище было ужасающим. Мои мысли снова вернулись к асмодиалам. Это длилось недолго, но вспышки было достаточно, чтобы я запыхался и покрылся потом.

Слухи о болезни Гемона не были преувеличены.

Его фиолетовая кожа потускнела до тошнотворного сиреневого цвета. Рот и нос покрывала студенистая янтарная жижа, через которую он тяжело дышал. Ряд трубок отфильтровывал мутную кровь в серый сосуд, которая затем как-то обрабатывалась, выходила ярко-красной и возвращалась в его руку.

Гемон был не просто болен. Он умирал.

Его глаза открылись, осматривая комнату с тем недомоганием, которое сопутствует поздней стадии болезни. Он увидел меня, и его губы скривились, пламя вернулось в его лицо и сделало его немного более узнаваемым.

— Пришел завершить начатое? — спросил он.

http://tl.rulate.ru/book/77890/2480283